

Janusz Świeży
Uniwersytet Jagielloński

«РАЗРЫВАНИЕ МОГИЛ»
ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИДЕЙ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА
В ПОВЕСТИ ЮРИЯ ТРИФОНОВА *ДРУГАЯ ЖИЗНЬ*

О неимоверной притягательности «философии воскрешения», создателем и проповедником которой был русский мыслитель Николай Федорович Федоров (1829–1903), свидетельствует прежде всего ее сильнейшее влияние на русскую литературу и философскую мысль XIX–XX столетий¹. В частности, идея «общего дела» является, на мой взгляд, одним из основных и непосредственных источников художественного мира «московской» повести Юрия Валентиновича Трифонова (1925–1981) *Другая жизнь*, хотя имя писателя в подобном контексте

¹ Этот вопрос многократно и широко обсуждался, в том числе в Польше. Ср., напр.: R. Łużny: *Mysł filozoficzna Mikołaja Fiodorowa w kręgu pisarzy rosyjskich XIX i XX wieku*. «Przełęcz Humanistyczny» 1982, nr 1–2; K. Makowiecka, K. Pietrzycka-Bohosiewicz: *Motywy filozofii «wspólnego czynu» M. Fiodorowa w twórczości M. Zabolockiego i A. Platonowa*. В кн.: *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria VII, cz. 2: *Literaturoznawstwo, folklorystyka, problematyka historyczna*. Warszawa: PWN 1988; K. Pietrzycka-Bohosiewicz: «Opętani ideaq». *Motywy filozofii «wspólnego czynu» Mikołaja Fiodorowa w prozie Andrzeja Platonowa*. «Roczniki Humanistyczne TN KUL» 1987, t. XXXV, z. 7; она же: «Przerzucić most nad rzeką czasu...». *Nikołaj Fiodorow i pisarze rosyjscy*. В кн.: *Строитель чудотворный. Szkice o literaturze rosyjskiej dedykowane Jadwidze Szymak-Reiferowej i Władysławowi Piotrowskiemu*. Red. H. Waszkielewicz, J. Świeży. Kraków: Tertium 2001; M. Madej-Cetnarowska: *Echo idei «wspólnego czynu» Mikołaja Fiodorowa w powieści «Bracia Karamazow» Fiodora Dostojewskiego. Historia niespełnionych nadziei*. «Slavia Orientalis» 2003, nr 4; она же: *Mysł Mikołaja Fiodorowa w literaturze XIX i XX wieku*. Praca doktorska. Kraków: UJ 2005 <http://tabularium.archiwum.uj.edu.pl/filmy/doktoraty/2005/DOKT_2005_224.djvu>; она же: *Twórczość Wasilija Maracza czyli postmodernistyczna hipostaza Mikołaja Fiodorowa*. В кн.: *Postmodernizm rosyjski i jego antycypacje*. Red. A. Gildner, M. Ochniak, H. Waszkielewicz. Kraków: Collegium Columbinum 2007; А. Худзиньска-Паркосадзе: «Проекты» Н.Ф. Федорова в онтологической поэтике романа «Счастливая Москва» Андрея Платонова. Poznań: UAM 2007.

появляется крайне редко и косвенно². Правда, еще в 1982 году, когда в СССР впервые после революции были изданы избранные труды Федорова³, Светлана и Владимир Пискуновы, рассуждая о повести, мимоходом и, скорее, ради красного словца упомянули «„общее дело” всех людей»⁴, а несколькими годами позже русско-американский славист Татьяна Спектор в работе о Трифонове обратилась непосредственно к философскому наследию Федорова⁵, — но тем не менее, никто из них не попытался обосновать свои догадки путем анализа текста. Анализ отсутствует также в авторефератах Веры Серафимовой, в которых обнародованы лишь выводы по ее диссертации⁶. Зато благодаря примечанию к одному из новаторских исследований Татьяны Спектор⁷ мы располагаем ценнейшей информацией о том, что Трифонову были

² До 2007 г., когда я впервые выступил с наблюдениями по этому поводу на научной конференции «Язык, литература и культура России в XXI веке. Теория и практика» (г. Кельце; программа: <www.ujk.edu.pl/ifs/programa_6.doc>), данная тема, судя по всему, оставалась неисследованной. Имя Федорова отсутствует в колоссальной *Библиографии творчества Ю.В. Трифонова*, составленной Александром Шитовым (Москва: МГУ 2002, 214 с.); во втором издании (*Юрий Трифонов. Жизнь и творчество. Библиографический указатель*. Москва: МГУ Печати 2010, 409 с.) оно появляется только однажды, в заглавии неопубликованного доклада Веры Серафимовой: *Отражение идей «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова в прозе Ю. Трифонова*, В. Шукишина, Л. Бородина, прочитанного на XII Международных научных чтениях памяти Н.Ф. Федорова (Москва 2–6.06.2009). По всей вероятности, доклад содержит результаты исследований автора из докторской диссертации *Традиции Андрея Платонова в философско-эстетических исканиях русской прозы второй половины XX–начала XXI вв.* (см. два автореферата: <<http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/2009/24-08/SerafimovaVD.doc>> и <<http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/2010/announcements/filolog/31-05/SerafimovaVD.doc>>), предметом описания в которой является, в частности, опосредованное влияние учения Федорова на Трифонова через творчество Платонова.

³ Ср. Н.Г. Бых: *Федоров Николай Федорович*. В кн.: *Русская философия. Словарь*. Под общей ред. М.А. Маслина. Москва: Terra-Книжный клуб — Республика 1999, с. 531.

⁴ «Но по сути сюжет повести о другом: о поиске человеком путей к бессмертию, об „общем деле” всех людей [...]» (С. Еремина, В. Пискунов: *Время и место прозы Ю. Трифонова*. «Вопросы литературы» 1982, № 5, с. 47). О том, что обращение к философии «общего дела» служило всего лишь орнаментом, свидетельствуют также переиздания статьи (в кн.: В.М. Пискунов: *До самой сути. Книга статей*. Москва: Современник 1989; измененное в кн.: он же: *Чистый ритм Мнемозины*. Москва: Альфа-М 2005).

⁵ «Поразительно сходство [...] с учением Федорова [...] о „патрофикации”, то есть *воскрешении* всех умерших „отцов” ныне живущими „сыновьями”» (Т. Спектор: «Положительный герой» Юрия Трифонова. «Russian Language Journal» 1996, Vol. L, № 165–167, с. 193).

⁶ *Традиции Андрея Платонова...*

⁷ Выражаю искреннюю благодарность Автору за возможность ознакомления с ее труднодоступными статьями.

известны труды философа⁸, с которыми писатель, по всей видимости, столкнулся в конце 60-х годов, благодаря полулегальному букинистическому обороту⁹.

* * *

Повесть *Другая жизнь* была напечатана в августовском выпуске «Нового мира» за 1975 год. Ее генезис автобиографичен и интимен:

[...] каждый из нас испытывал горе [...], все мы теряли близких, и это чувство знакомо каждому, мне кажется. Это то, что не может избежать никто. И я терял близких, и как раз толчком к этой вещи была смерть близкого мне человека, моей первой жены, Нины. Эта смерть произошла совершенно внезапно в 1966 году, абсолютно неожиданно, непредвиденно. Это оказало на меня очень страшное воздействие, и долгое время я как-то не мог даже по-настоящему прийти в себя и работать¹⁰.

⁸ «[...] Ольга Трифонова-Мирошниченко подтвердила знакомство писателя с произведениями Федорова, Соловьева, Розанова, Бердяева, а также других русских религиозных философов девятнадцатого и двадцатого веков в беседах со мной 26 октября и 27 ноября 1995 года. Вдова писателя ссылается на собственные воспоминания и на дневники Юрия Валентиновича» (Т. Спектор: *«Положительный герой»...*, с. 207, прим. 15). Остается только сожалеть, что в изданных вдовой писателя фрагментах дневников данные отрывки отсутствуют, ср. Ю. Трифонов: *Из дневников и рабочих тетрадей*. Публикация и комментарии О. Трифоновой. «Дружба народов» 1998, №№ 5–6, 10–11; 1999, № 1–3. В свою очередь, Александр Шитов сообщил мне в письме от 1 марта 2012 г. о наличии книги (или книг) Федорова в рабочей библиотеке Трифонова.

⁹ Ср. фрагменты другой «московской повести» — о «белибердяевых», черном рынке и увлечении религиозной литературой: Ю. Трифонов: *Предварительные итоги*. В кн.: он же: *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 2: *Повести*. Москва: Художественная литература 1986, с. 88 и далее.

¹⁰ Э. Вайл: *Интервью с Юрием Трифоновым*. «Обозрение» 1983, № 6; цит. по: А. Шитов: *Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета 1997, с. 507. Татьяна Патера отмечает, что то же самое автобиографическое событие повлияло и на рассказ *Самый маленький город*, изданный в январе 1968 г. (*Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова*. Ann Arbor: Ардис 1983, с. 223), а Константин Ваншенкин цитирует фрагменты рассказа *В грибную осень* (1968, публикация — 1969), в которых запечатлены сокровенные чувства и страдания Трифонова, вызванные смертью Нины (К. Ваншенкин: *Из книги «В мое время»*. В кн.: *Мир прозы Юрия Трифонова*. Сост. Н.Б. Иванова, А.П. Шитов. Екатеринбург: Издательство Уральского университета 2000, с. 181). Ольга Трифонова в комментарии к дневникам мужа фиксирует его психическое состояние после пережитой трагедии: «Несколько дней Ю[рий] В[алентинович] пролежал, отвернувшись лицом к стене» (Ю. Трифонов: *Из дневников...*, 1998, № 11, с. 81). Ваншенкин же пишет: «Он был в совершенно разобранном виде, часто коротко плакал» (*Из книги...*, с. 181). Каролина Де Магд-Созп полагает, что Трифонов хотел своей повестью преодолеть боль после кончины первой жены (*Юрий Трифонов и драма русской интеллигенции*.

Очевидно, под влиянием трагедии писатель прочитал книгу Корлисса Ламонта *Иллюзия бессмертия*¹¹ и сделал следующие выдержки:

Джорж Сантаяна: «Подлинная мудрость состоит в отказе от собственных иллюзий, с тем, чтобы успешнее достигнуть осуществления своих идеалов».

ИОВ: «Если человек умрет, то будет ли он снова жить?»

Уильям Джемс: «Для огромного большинства людей белой расы религия означает, прежде всего, бессмертие — и, пожалуй, ничего больше. Бог есть создатель бессмертия».

«Если бы привилегия вечной жизни была предметом сбыта, она продавалась бы дороже всех товаров, когда-либо предлагавшихся человечеству». Эвери Грейтс.

Бессмертие — выше чем Бог?

Христианство победило как религия, побеждающая смерть. Великий обман. То, что желалось¹².

Не взятые в кавычки последние предложения излагают некоторые основные положения работы Ламонта, но могут также быть и выводами самого писателя. По моему мнению, гораздо важнее тот факт, что Трифонов искал утешение своей печали в философии (о чем свидетельствуют эти конспекты), а через некоторое время он сам начал писать и спустя девять лет опубликовал *Другую жизнь* — собственные размышления о жизни, смерти и бессмертии. Любопытно, что повесть не создавалась сразу же после ухода из жизни жены; временной промежуток между событиями (смерть — публикация) настолько велик, что это позволяет сделать заключение о том, что названные проблемы волновали писателя сами по себе¹³, а не только в связи с пережитым горем; другими словами, — личный опыт послужил Трифонову точкой отсчета для более универсальной, философской рефлексии, которая, в свою очередь, приобрела весьма любопытную форму.

Пер. с англ. под ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Издательство Уральского университета 1997, с. 156). Автобиографический контекст *Другой жизни* требует некоторого уточнения. Повесть вышла из печати через девять лет после скоростной смерти Нины Алексеевны Нелиной, на которой писатель был женат с 1951 г., и после пяти лет брака с Аллой Павловной Пастуховой. Произведение посвящено именно Алле, хотя Ольга Трифонова предполагает, что адресатом посвящения могла быть совершенно другая Алла (Ю. Трифонов: *Из дневников...*, 1999, № 2, с. 103); вдова приводит слова Трифонова: «Через две недели после смерти Нины я с двумя бутылками водки поехал к незнакомой женщине» (*Из дневников...*, 1998, № 11, с. 81), ее «тоже звали Аллой. [...] У нее умер муж, и они с Юрой пытались вместе смягчить горе. А потом она умерла. Юра часто вспоминал о ней» (*Из дневников...*, 1999, № 2, с. 103).

¹¹ Русский перевод книги американского марксиста и гуманиста появился в 1961 г.

¹² Ю. Трифонов: *Из дневников...*, 1998, № 11, с. 81.

¹³ Тема жизни и смерти — одна из сквозных в творчестве Трифонова.

* * *

Тема смерти и ее преодоления, проходящая красной нитью через все повествование, вводится писателем уже в первом абзаце повести:

И опять среди ночи проснулась, как просыпалась теперь каждую ночь, будто кто-то привычно и злобно будил ее толчком: думай, думай, старайся понять! Она не могла. Ни на что, кроме самомучительства, не было способно ее существо. Но т о , ч т о б у д и л о, требовало упорно: старайся понять, должен быть смысл, должны быть виновники, всегда виноваты близкие, жить дальше невозможно, умереть самой. Вот только узнать: в чем она виновата? И еще другое, тайное и стыдное: неужели на этом все кончилось? [...] она легко думала о смерти, как о чем-то неприятном, но неизбежном, что следует пережить, как о том, например, что надо лечь в клинику на операцию. Мысли о смерти были гораздо легче памяти. Та доставляла боль, а эти ничего, кроме мимолетной задумчивости¹⁴.

Сюжет повести основывается на воспоминаниях молодой женщины Ольги Васильевны о внезапно умершем муже Сергее Троицком, которые переплетаются с событиями из жизни героини после этой трагедии. Исследователи сравнивают повествование с «испытанием совести»¹⁵, «процессом самосознания, процессом исповеди»¹⁶. Образ покойного Сережи возникает постепенно, под влиянием болезненного и мучительного для героини анализа взаимоотношений с мужем, его поведения, слов и ее к ним отношения. Кропотливые попытки понять совместную жизнь приводят Ольгу Васильевну к переосмыслению иерархии ценностей, на которую опиралось ее мировоззрение. Она постигает и принимает философию Сергея Троицкого¹⁷, «обращается» в его своеобразную веру. Эта метаморфоза отражается также на сюжетно-композиционном уровне повести, в финале которой мы видим героиню умиротворенной, примиренной с судьбой и, что подчеркнута контрастирует с первым абзацем, — наконец спокойно спящей.

Интерпретируя данный сюжет в ключе философии Федорова, уместно обратить внимание на саму форму повествования, которое, в сущности,

¹⁴ Ю. Трифонов: *Другая жизнь*. В кн.: он же: *Собрание сочинений...* Т. 2, с. 219. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹⁵ E. Nikadem-Malinowska: *Koncepcja czasu w twórczości Jurija Trifonowa*. Olsztyn: WSP 1995, с. 35.

¹⁶ Н. Иванова: *Проза Юрия Трифонова*. Москва: Советский писатель 1984, с. 202.

¹⁷ T. Spektor: *The Orthodox Christian Subtext of Trifonov's Allusions to Chekhov's «The Student» in «Another Life»*. «The Slavic and East European Journal» 2001, Vol. 45, № 3, с. 481. Исследовательница имеет в виду идеи всеединства и соборности.

реализует федоровское утверждение о необходимости супругам вести запись совместной жизни, совершать каждодневную исповедь:

Деятельность брачной четы [...] выражается в их обязанности [супругов — J.Š.] делать общую запись фактов, открывающихся из их сближения или сожителства [...]. Обязанность эта налагается долгом воскрешения [...]. Кроме того, такая запись необходима для жизни душа в душу (а не слияние только в плоть едину) [...].

[...] Союз, основанный на совершеннейшей откровенности, на ежедневной взаимной исповеди, без коей он немислим, ибо и тень лжи делает невозможным воскрешение, — такой союз и в этом отношении имеет решительное преимущество пред союзом для рождения [...] ¹⁸.

Основная модификация сводится лишь к тому, что в повести «запись фактов» ведется одним из супругов после смерти другого. В данном случае вдова реализует еще одну федоровскую идею: «Воссоздавая других, мы воссоздаем себя, как, говоря о других, мы сами высказываемся, раскрываем самих себя» ¹⁹.

Показательно, что первая фамилия, упомянутая в повести уже во втором абзаце, — Федоров («Федоров затаскивал его [Сергея Троицкого — J.Š.] к себе», с. 319), «приятель по музею, пустой малый. Из тех болтунов, к кому он странным образом лепился и которые его самого тянули вниз» (с. 340).

Федоровскую подоплеку имеет также образ главного героя Сергея Афанасьевича Троицкого ²⁰. О многом говорят уже его имя, отчество

¹⁸ Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немисрного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим*. В кн.: он же: *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 1. Москва: Издательская группа «Прогресс» 1995, с. 285.

¹⁹ Там же, с. 237.

²⁰ О. Трифонова, ссылаясь на дневники писателя, отмечает, что прототипом Сергея Троицкого послужил муж сестры Трифонова — Ефим Семенович Рейзнер, жизнь и судьба которого явилась основой сюжета повести *Другая жизнь* (Ю. Трифонов: *Из дневников...*, 1998, № 5, с. 97, прим. 2). Исследователи занимались поисками прототипа данного персонажа также среди лиц, носящих фамилию Троицкий. Наталья Иванова называет имя саратовского историка Николая Алексеевича Троицкого (Н. Иванова: *Отцы и дети эпохи*. «Вопросы литературы» 1987, № 11, с. 55), с которым Трифонов переписывался после публикации *Нетерпения*; ср. А. Шитов: *Юрий Трифонов. Хроника...*, с. 458 и далее. Сам предполагаемый прототип полемизирует с Ивановой, указывая на другой возможный источник образа героя — московского историка Древней Руси Сергея Мартиновича Троицкого (Н.А. Троицкий: *Кто же был прототипом трифоновского героя?* «Вопросы литературы» 1988, № 8, с. 239–240). Естественно, основываясь на фамилии, можно найти, по крайней мере, еще несколько других Троицких, к которым с большей или меньшей вероятностью мог бы восходить образ героя повести. Однако

и фамилия²¹. Имя *Сергей* может отсылать к основателю Троицкого монастыря (ныне — Троице-Сергиева лавра), Сергию Радонежскому, о котором Федоров писал: «Преподобный Сергей [...] более всех приблизился к учению о Троице как образцу для людей, взятых не в отдельности, а в их совокупности [...]»²², и который, по свидетельству вдовы Трифонова, был «излюбленным святым» писателя, часто посещавшего подмосковную лавру²³. Отчество *Афанасьевич* происходит от греческого *ἀθάνατος* — бессмертный. Наконец, *Троицкий* — фамилия в честь Святой Троицы, которая, в свою очередь, «у Федорова становится Альфой и Омегой, исходной точкой и увенчанием»²⁴. Учение Федорова о Святой Троице²⁵ в определенной степени преломляется и в некоторых деталях образа героя, объединяющая роль которого в семье подчеркивается вдовой в самом начале повести:

Придет на кухню, когда все трое там, остановится в дверях в газетном колпаке, руку поднимет и скажет [какую-нибудь шутку — J.Ś.]. Он все пытался объединять, сближать хотя бы на минуту, хотя бы шутками, дурачеством (с. 225).

Сергей Троицкий — историк. Трифонов наделил его своей любимой профессией, но вместе с тем и профессией Федорова. С философом героя роднит и другое: работа (в музее и историческом институте), черты характера (скромность, бескомпромиссность, интеллигентность, приверженность исповедуемой идее), а также обвинения со стороны окружающих в отчуждении, мечтательности, безумии²⁶. Однако наиболее

наличие или отсутствие реального прототипа (прототипов) не является детерминирующим фактором для «федоровской» интерпретационной линии.

²¹ Ср. Т. Spektor: *The Orthodox Christian Subtext...*, с. 482.

²² Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 64, примечание автора 5.

²³ Т. Spektor: *The Orthodox Christian Subtext...*, с. 486, прим. 14. Любопытно, что в *Другой жизни* сама лавра также упомянута: с семинаристами в Загорске сравнен один из эпизодических персонажей — Колька (с. 284).

²⁴ В. Меденица: *Тени забытых предков*. В кн.: Н.Ф. Федоров. *Pro et contra. Антология*. Кн. 2. Сост. А.Г. Гачевой, С.Г. Семенов. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии 2008, с. 852. Цит. по: М. Milczarek: *Z martwych was wskrzesimy. Filozofia Nikolaja Fiodorowa* [магистерская работа]. Kraków: UJ 2010, с. 134.

²⁵ Ср., напр.: «Бог Троициный есть Бог будущего века; только сознательно вступив в дело воскресения, мы не будем употреблять имени иного Бога, разве Троициного, Бога согласия или объединения, Бога живущих для оживления, или воскресения умерших (Троица согласия (нераздельная и неслиянная) и Троица оживления (Живоначальная Троица)» (Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 89).

²⁶ Федоров работал, в частности, учителем истории, а позднее — библиотекарем в Румянцевском музее. Современники называли философа скромником, праведником, подчеркивали его широчайшие знания, бескомпромиссность и преданность своему

существенное состоит в том, что Троицкий является выразителем философских идей Федорова; исконную мечту человечества о бессмертии он хочет осуществить согласно постулатам *Философии общего дела*.

Для Сергея Троицкого история — это личности, взаимосвязь времен в людях. Он употребляет метафору нити, тянущейся между поколениями:

[...] человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и — по нему определить многое (с. 300).

Каролина Де Магд-Соэп справедливо отмечает, что «Сергей противостоит официальной доктрине материалистического детерминизма и считает личность центром исторического процесса»²⁷. Выразителем теории исторического детерминизма является в повести идейный антипод Сергея — бывший однокурсник и друг, а позднее начальник в институте и враг — оппортунист и карьерист Геннадий Витальевич Климук, сравненный однажды с Воландом (с. 277). Климук называет исторический детерминизм также словом «нить», утверждая, что это «единственно прочная нить, за которую стоит держаться» (с. 287). Он является олицетворением как порицаемого Федоровым понимания истории, так и осуждаемых философом человеческих пороков — властолюбия и корыстолюбия²⁸, противоречащих постулату всеобщего братства. Показателен диалог Климук с матерью Сергея Троицкого Александрой Прокофьевной, которая спрашивает его о родном брате:

«проекту», но зачастую обвиняли в утопизме, сумасшествии, «юродстве мысли» (князь Е.Н. Трубецкой: *Жизненная задача Соловьева и всемирный кризис жизнепонимания*. «Вопросы философии и психологии» 1912, год XXIII, кн. 114 (IV), с. 277, <<http://religiology.pstu.ru/catalog/384/book-384.djvu>>); широко известно соловьевское определение Федорова «воскресения ради юродивым» (цит. по: А.Г. Гачева: *В.С. Соловьев и Н.Ф. Федоров. История творческих взаимоотношений*. В кн.: *Н.Ф. Федоров. Pro et contra. Антология*. Кн. 1. Сост. А.Г. Гачевой, С.Г. Семенович. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института 2004, с. 888).

²⁷ *Юрий Трифионов и драма...*, с. 157. Ср. фрагмент ссоры с Климук: «— Историческая целесообразность, о которой ты толкуешь, — говорил Сережа, — это нечто расплывчатое и коварное, наподобие болота... [...] Интересно, кто будет определять, что целесообразно и что нет? Ученый совет большинством голосов?» (с. 287). Ср. также: «[...] история есть всегда *воскрешение*, а не *суд*, так как предмет истории *не живущие*, а *умершие*, и, чтобы судить, нужно прежде воскресить — нужно воскресить их, умерших, т. е. понесших уже высшую степень наказания, смертную казнь» (Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 135).

²⁸ «Как корыстолюбие (когда вещь предпочитается взаимности), так и властолюбие вносят мрак, обскурантизм в общество, и такое общество не может быть подобием Троициному Богу» (Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 113).

В каком году, Геша, приезжал твой брат из Кременчуга? Он у нас жил, я ему адвоката нашла... Какое-то дело, связанное с хищением...

— Александра Прокофьевна, что за охота вспоминать допотопные истории? — вступила Ольга Васильевна, догадавшись, что **Климук надулся и раздражен** [...].

[...] **Климук мрачнел, напрягался, вдруг стал хохотать:**

— Слушайте, это же театр абсурда! Какой-то гиньоль! Бог мой, **зачем все это помнить — мне, вам, кому бы то ни было?**.. Есть такое понятие: историческая целесообразность... Вы знаете, кто сейчас мой брат? (с. 285; выделено мной — J.Ś.)

Если интерпретировать данный диалог в ракурсе «общего дела», где категория братства, понимаемого дословно, как родство, имеет первостепенное значение, то поведение и слова Климук подчёркнуто противоречат основной и единственной настоящей задаче людей — имманентному воскрешению; у Федорова кровное братство, толкуемое в самом широком смысле, как происхождение от единого, общего отца, имеет целью воскрешение предков, однако его первым, необходимым залогом является память, усердное собирание и бережное хранение фактов из прошлого²⁹.

История для Федорова — наука привилегированная. Современники назвали его «философом памяти»³⁰, так как не только его «проект», но и конкретные действия были направлены на детальное изучение прошлого³¹. Два историка из повести Трифонова — Климук и Троицкий — представляют собой два разных подхода к исторической науке не только в идеологическом контексте эпохи, но и в свете философии «общего дела». Независимо от научной карьеры и служебных отношений, первый олицетворяет федоровских «ученых», второй же — «неученых»: у Федорова разграничение двух этих категорий основано на том, предпринимает ли человек усилия к воскрешению («неученые») или же отказывается от них («ученые»)³².

²⁹ Ср., напр.: «Руководствуясь же сими последними [законами наследственности — J.Ś.], мы получим возможность мысленно восстанавливать образы предков как необходимое условие действительного воскрешения» (там же, с. 271).

³⁰ Ср. M. Madej-Cetnarowska: *Myśl Nikołaja Fiodorowa...*, с. 17; автор цитирует книгу Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901). Статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже. Сост. А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. Воронеж: Издательство Воронежского ГУ 1998, с. 6.

³¹ Федоров активно — теоретически и практически — занимался музейным делом.

³² Ср. «Для неученых история есть исполнение долга к предкам, культ отцов, умерших; для неученых история начинается Эдемом рождения, или создания, и состоит в вынужденном внешнею необходимостью [...] удалении от могилы праотца и в постоянном стремлении возвратиться к ней. Это постоянное тяготение, любовь к могиле

Для Сергея Троицкого метафора нити, соединяющей поколения — это не столько идея, интеллектуальная концепция, сколько реальный план действий, задание, которое предстоит выполнить. С этой целью герой разработал метод,

[...] который называл полушутливо-полусерьез «разрывание могил». На многих его тетрадях написано на обложке «РМ», что означает «разрывание могил» и говорит о том, что он относился к этой романтической метафоре более всерьез, чем шутливо. Он искал нити, соединявшие прошлое с еще более далеким прошлым и с будущим (с. 300).

Присутствующие в процитированном фрагменте формулировки, а также нацеленность на активное действие, вписываются в поэтику философии Федорова, само название которой заключает в себе аспект действия. Для мыслителя воскрешение отцов — это не метафора, но реальный труд, целью которого является воссоздание умерших из праха всеми возможными путями, в том числе с помощью науки.

Сергей Троицкий верит в бессмертие и фактически убежден в его существовании:

Не Бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду... (с. 300).

Приведенные слова можно понимать по-разному: на уровне внелитературного контекста — как дань атеистической системе³³, отданную писателем взамен на возможность публикации идеологически некорректных фрагментов повести; на уровне изображенного мира — с одной стороны, как признание героя в неверии в Бога, с другой — как художественное отображение федоровского убеждения, что Бог поручил задание воскрешения людям. Даже если принять версию о неверии, то и она не противоречит замыслу Федорова. Заметим, что основная часть *Философии общего дела* — трактат под заглавием *Вопрос о братстве, или родстве...* — адресована, в частности, неверующим (*Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим*), ибо «верующие и неверующие могут быть согласны в деле, а общее

праотца, вращение около нее, как земли около солнца, показывает, что задача, цель жизни — воскрешение; иначе жизнь (история) была бы бесцельною [...]; потому-то неученые и начинают историю Эдемом рождения, а кончают ее Эдемом воскрешения» (Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 138–139).

³³ Таковую интерпретацию предлагает Т. Спектор; ср. «Положительный герой»..., с. 192; она же: *Смерть и бессмертие в «московских повестях» Юрия Трифонова*. «Russian Literature» 1998, Vol. XLIV, № 4, с. 490.

дело приведет их к согласию и в мысли»³⁴. К тому же история восприятия «проекта» Федорова показывает, что им увлекся не один атеист³⁵. В свою очередь, некоторые православные комментаторы обвиняли Федорова в том, что он поставил человека на место Бога³⁶.

Толкование слов Сергея Троицкого в ракурсе философии Федорова представляется мне убедительным прежде всего потому, что они содержат концепт всечеловеческого братства («передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду») — ключа к бессмертию. Мыслитель был убежден, что осознание людьми братства — как с ныне живущими, так и с умершими — приведет к объединению всех в «общем деле» воскрешения.

На мой взгляд, многочисленные фрагменты повести не могут интерпретироваться лишь как свидетельство метафорической веры в бессмертие, гарантируемое памятью. Для Федорова такое понимание проблемы неприемлемо³⁷. В повести выразителем подобных взглядов является мать героя, убежденная коммунистка, с которой сын ведет спор о бессмертии:

Я не думаю о смерти, как другие старухи. Да, я знаю, что с последним вздохом я исчезну из этого мира бесследно — и все тут. Не о чем говорить.

— Да, да, не о чем говорить... — бормотал Сережа, кивая. — Какая ясность, как здорово... И то же касается смерти твоих близких? Они тоже исчезнут совершенно бесследно?

³⁴ Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 98. Ср. также, напр.: «И верующие, и неверующие могут объединиться в этом естественном деле, объединившись же в деле, придут и к единомыслию. И для верующих участие в этом естественном деле будет не противлением воле Божией, а исполнением ее, для неверующих же это будет освобождением от рабства слепой силе и подчинением воле Божией вместо отрицания божественной воли, на которое бесплодно растрачивала свои силы философия» (Н.Ф. Федоров: *Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение)*. В кн.: он же: *Собрание сочинений...* Т. 1, с. 394).

³⁵ Ср., напр.: К. Pietrzycka-Bohosiewicz: «Przerzucić most nad rzeką czasu...»..., с. 115–118; М. Madej-Cetnarowska: *Mysł Nikolaja Fiodorowa...*, с. 24 и далее.

³⁶ Ср., напр., критику Георгия Флоровского: «„Религия“ Федорова есть религия человечества»; «Учение Федорова есть своеобразная форма религиозного позитивизма, утонченная форма „позитивной религии“». И, строго говоря, ничто не изменится, если в нем умолчать о Боге»; «Божественному действию он противопоставляет человеческое. Он благодати противопоставляет труд» (Прот. Г. Флоровский: *Пути русского богословия*. Интернет-версия под общей ред. Его Преосвященства Александра (Миллента), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского 2003, гл. VI: *Философское пробуждение* <<http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=843>>).

³⁷ «Только не должна историческая наука принимать мысленные образы за действительные, за конечную цель, творить себе из них идолов; исторический труд есть только средство [...]» (Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 271).

— Я надеюсь, что мои близкие, кого судьба еще оставила мне, не уйдут раньше. Но если такая несправедливость, не дай Бог, случится, мои близкие не уйдут для меня — я повторяю, для меня! — совершенно бесследно. Они останутся вот здесь. — Она пошлепала ладонью по тому месту в середине груди, куда ставила в минуты сердечной слабости горчичники (с. 354).

Сергей играет в этом диалоге роль Федоровских «неученых» или «народа»:

[...] для него [народа — J.Š.], как не лишено ни чувства, ни воли, живущего сердцем и нуждающегося в деятельности, нужно не мертвое, не мнимое или мысленное, а живое, действительное воскресение, он не может найти утешения в воскрешении мнимом, в какие бы пышные фразы оно ни было облечено и как бы ни были соблазнительны эти фразы для сословий вроде адвокатов, ораторов, живущих фразами³⁸.

Показательно и то, что мать Сергея — адвокат.

Вопрос о зависимости идеи бессмертия в мировоззрении Сергея от веры либо неверия в Бога может быть истолкован по-разному. В повести не говорится о религиозных убеждениях героя, разве что появляются обвинения в мистицизме, мракобесии и агностицизме. Когда в пылу ссоры Александра Прокофьевна заявляет о том, что Сергей, судя по его поведению, допускает «существование загробного мира и высшей силы, то есть Бога», тот не соглашается: «Я этого не говорил. Не передегивай по своей адвокатской привычке» (с. 253), однако через минуту он уже всерьез рассматривает саркастически высказанное матерью предложение посвятить себя Богу:

— [...] Будь уж последовательным. Надень рясу, прими схиму, уйди куда-нибудь в пещеры или в заброшенные каменоломни — [...] сиди там и созерцай собственный пуп, как тибетский монах. [...] Но тебя это не устраивает: ты не уходишь из института, получаешь там зарплату...

— Может, и уйду. Кстати, ты кинула неплохую идею (с. 353–354).

Оказывается, однако, что Сергей имеет в виду не монастырь или пустыню, но научную лабораторию парапсихологии: «Вот если будет создана, как обещают, лаборатория экстрасенсорной связи при одном институте, я бы с наслаждением туда ушел» (с. 354). Причем он не воспринимает эту альтернативу как уход от активности к созерцанию, а напротив — хочет действовать. Несомненно, здесь обнаруживается очередное сходство с «проектом» Федорова, который именно науке отводил первостепенную роль, призывал к ее постоянному развитию

³⁸ Там же, с. 229.

ради одной-единственной задачи воскрешения отцов; согласно философии «общего дела», к этой высшей цели необходимо стремиться всеми возможными способами.

Противопоставление мировоззрений матери и сына (уместно добавить: любящих и уважающих друг друга людей) несколько раз показано в повести в виде дискуссий-ссор, имеющих для нас принципиальное значение. Несмотря на то, что оружием против исполненных пафоса слов возмущения и осуждения по отношению к компрометирующим с точки зрения Александры Прокофьевны взглядам сына являются с его стороны преимущественно шуточные фразы, в контексте философии Федорова смысл таких высказываний Троицкого представляет собой логически организованное целое. Например, когда мать, узнав о парапсихологических увлечениях Сергея, кричит: «Сын Афанасия Троицкого — спирт! Сын участника революции, соратника Луначарского! Если бы отец встал из гроба...», тот цепляется за эти явно метафорические слова: «— Ага, ты допускаешь такую возможность?» (с. 342). Безусловно, данный случай надо интерпретировать, учитывая непосредственную причину полемики, то есть спиритизм, но, с другой стороны, бесспорно и то, что он вписывается в систему более или менее однозначных федоровских мотивов.

Обращение в споре к авторитету отца, подлинный «культ» которого царит в семье³⁹ (сравним у Федорова: «Истинная религия одна, это культ предков и притом всемирный культ всех отцов, как одного отца»⁴⁰), кроме внелитературной — автобиографической — мотивировки, имеет принципиальное значение и с точки зрения «философии воскрешения». *Idée fixe* Сергея Троицкого, его своеобразный исторический метод, своими корнями восходит именно к памяти об отце:

У него это началось — то, что он называл «разрыванием могил», а на самом деле было прикосновением к нити, — с его собственной жизни, с той нити, частицей которой был он сам. Он начал с отца. Он очень любил слабую память о нем. [...] А потом дальше — почему? откуда? — стал изучать семью отца, и деда, и даже прадеда, для чего ездил в Пензу (с. 301).

Отец героя Афанасий Дементьевич погиб на фронте в 1941 году. В юности он был революционером, после Февральской революции, еще студентом Московского университета, работал в комиссии, разбивавшей архивы охранки, позднее — профессор математики, страст-

³⁹ «Это во многом шло от Александры Прокофьевны, которая мужа боготворила и числила примерно так: Горький, Луначарский, Надежда Константиновна и Афанасий Дементьевич Троицкий» (с. 301).

⁴⁰ Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 71.

ный турист и фотограф; как вспоминает Александра Прокофьевна, он никогда не имел галстука и черного костюма. Для Сергея отец являлся не только воспоминанием детства, но и первой «нитью», ведущей в далекое прошлое. В приведенной выше цитате показательно удивление повествователя («почему? откуда?»), свидетельствующее о том, что мотивировку действий Сережи не в состоянии постичь наиболее близкий ему человек, способный понять интерес к судьбе отца, но не дедов. А ведь желание познать собственную родословную не является чем-то исключительным, особенно для профессионального историка. Вероятно, в поисках героем своих корней присутствовало что-то особенное.

Сергей Троицкий изучил «нити» своего рода и осознал теснейшую взаимосвязь с прошлым. Кровным родством, генетической общностью, значение которых так сильно подчеркивал Федоров, Троицкий объясняет собственную судьбу, сравнивая «нити», соединяющие поколения, с «сосудом, по которому переливаются неисчезающие элементы» (с. 302):

— Знаешь, почему все у меня с таким скрипом? [...] Потому что нити, которые тянутся из прошлого... ты понимаешь? — они чреваты... Они весьма чреваты... Ты понимаешь?

[...] Но ты ведь знаешь мою идею: нить, проходящая сквозь поколения... Если можно раскапывать все более вглубь и назад, то можно попытаться отыскать нить, уходящую вперед...

[...] Он говорил что-то путаное насчет своих собственных предков, беглых крестьян и раскольников, от которых тянулась ветвь к пензенскому попу-расстриге, а от него к саратовским поселенцам, жившим коммуной, и к учителю в туринской болотной глуши, давшему жизнь будущему петербургскому студенту, жаждавшему перемен и справедливости, — во всех них клочкотало и пенилось н е с о г л а с е... Тут было что-то не истребимое ничем, ни рубкой, ни поркой, ни столетиями, заложенное в генетическом стволе... [...] Какая могла быть связь между пензенским распопом, жившим сто двадцать лет назад, и трудностями с диссертацией, с обсуждением в секторе? Он говорил, что связь есть (с. 313–314).

Троицкого интересовали не только те «нити», что вели к познанию своего рода, но в равной степени и те, которые относились к изучению жизни героев так и не законченной кандидатской диссертации — тайных сотрудников охранного отделения. В конечном итоге, однако, все «нити» соединяются: интерес к тайной полиции возник у Сергея после того, как он узнал, что в 1917 году тем же самым вопросом занимался его отец.

Как и Федоров, герой *Другой жизни* кропотливо исследовал библиотеки и архивные учреждения, а также с увлечением создавал

свой собственный архив, скрупулезно складывая в папки записки, вырезки, статьи, фотографии, адреса, списки, уникальные документы⁴¹. О масштабах проведенной работы свидетельствует описание квартиры, загроможденной всяческими материалами⁴². В поисках раскрытия тайн охраны Троицкий отыскивал и посещал людей, которые могли бы подтвердить его открытия и догадки. Будучи всецело преданным своему делу, он не пренебрегал даже, казалось бы, безнадежными следами⁴³. Троицкий не допускал никаких компромиссов, что привело его как к профессиональному поражению, так и к скоростижной смерти, но — с другой стороны — дало моральную победу.

Одной из официальных причин проблем в институте, а в итоге — потери работы, были связи Троицкого с кругом московских спиритов. Относящаяся к спиритизму и парапсихологии сюжетная линия повести связана с методом исторических исследований героя. Несомненно, она многозначна. Каролина Де Магд-Соэп справедливо замечает, что «В этом произведении Трифонова более, чем в каком-либо другом, важно иррациональное начало. В рациональном человек не может найти себя»⁴⁴. Соглашаясь с этим, отмечу в свою очередь, что интерпретация обращения Сергея к парапсихологии как результата утраты веры в себя не является безоговорочной.

⁴¹ «Списки секретных сотрудников московской охраны за десятые годы, вплоть до Февраля семнадцатого. Конечно, материалы ценнейшие, потому что архивы охраны были уничтожены, сожжены. Откуда-то он эти списки раздобыл. Нашел какого-то человека, то ли пропойцу, то ли жулика, то ли просто опустившегося, несчастного босыка [...] который списки продал Сереже за тридцать рублей» (с. 308).

⁴² «[...] папки, блокноты, тетради толстые и тонкие, вырезки из газет, аляповато расклеенные по альбомам, выданные из журналов страницы, кипы исписанной бумаги, рассованные по разным местам — часть находилась в ящиках стола, часть на нижних полках в шкафах, какие-то папки пылились на самом верху шкафов, под потолком, куда месяцами не достигала тряпка, [...] а еще какие-то бумаги в дни ремонта попали на антресоли» (с. 272).

⁴³ «И вот когда он вплотную занялся изучением охраны, в частности московской охраны накануне Февраля, составил по документам списки секретных сотрудников с обозначением всех их служебных „подвигов” и „заслуг” перед отечеством — кропотливейшая работа отняла не меньше двух лет, а ведь это была лишь часть диссертации, — его, кроме прочего, интересовало [...] отыскивание нитей. Ему мерещилось, что тут таится необыкновенно важное. Временами он работал с бешеным энтузиазмом. Когда возвращался домой из библиотеки или из архива, бывал землистого цвета, едва держался на ногах и не мог сразу сесть за ужин: лежал несколько минут, успокаивал сердце. Последние года два он так ослаб, что даже перестал выпивать. Приглашали — отказывался. Так его поглотила работа. Он вкладывал в нее гораздо больше, чем следовало, чем она могла вместить» (с. 302–303).

⁴⁴ К. Де Магд-Соэп: *Юрий Трифонов и драма...*, с. 161.

В СССР 70-х годов, наряду с возрождением традиционной церковной религиозности, немалую популярность стали приобретать различные альтернативные формы духовных исканий человека. Трифонов не раз касался этой проблемы, в частности — на страницах *Другой жизни*. В одном из интервью он сказал:

У нас есть люди, есть целые круги, которые увлекаются парапсихологией, мистицизмом, действительно есть, и ко мне вот этим летом в Дубулты приезжала одна такая женщина... [...] Она мне много-много рассказывала о том, что в Москве есть и что творится. Мы об этом мало знаем. Она говорила, что я очень точно все описал в *Другой жизни*. А я ни разу не присутствовал при этих сценах. Я писал все по журналам, по рассказам [...] ⁴⁵.

Готовясь к работе над произведением, Трифонов изучал специальную литературу, архивные выпуски парапсихологических журналов, книги нашумевших в дореволюционной России спиритов и оккультистов⁴⁶. Некоторые заглавия упомянуты в повести⁴⁷. Вооружившись теорией, писатель отобразил духовную атмосферу своего времени.

Сергей Троицкий столкнулся с парапсихологией благодаря восточной красавице Дарье Мамедовне Нигматовой, кандидату наук, философу

⁴⁵ Э. Вайл: *Интервью...*; цит. по: А. Шитов: *Юрий Трифонов. Хроника...*, с. 508. Подробности о встрече с этой женщиной мы узнаем из опубликованных в конце 90-х годов дневниковых записей Трифонова, датированных 1973 годом. Жаль, что издатель, то есть вдова писателя, передает всего лишь собственные воспоминания: «Он смотрел на меня мимо какой-то жилистой высушенной женщины, разговаривающей с ним. Потом он мне рассказал, что высушили женщину занятия йогой, но, кроме йоги, она всерьез занимается парапсихологией. — Вот пример. Когда ты вошла, она, не оборачиваясь, сказала: „Сейчас в это помещение вошла ваша женщина. Она родилась в год Тигра“. Год Тигра — мой год. Спиритка угадала. Но дело не в этом, хотя мы оба были изумлены. Дело вот в чем: как знать, быть может, этот ничтожный эпизод определил выбор следующей темы. Он начал писать *Другую жизнь*» (Ю. Трифонов: *Из дневников...*, 1999, № 2, с. 95).

⁴⁶ «Для будущей повести *Другая жизнь* Ю.0В. стал потихоньку собирать нужные книги и журналы. На столе появились экземпляры журнала „Спиритуалист“, книга Ури Геллера о парапсихологии, труды известного антрополога и парапсихолога Маргарет Мид, вырезки из „Недели“ со статьями о „странном мире“, статья Майн Пайнс из „Нью-Йорк мэгэзин“ *Тайны мозга*, воспоминания Вольфа Мессинга и множество статей самых разных авторов (А. Китайгородский, Л. Сухаревский, Милбурн Кристофер). А поверх всего — потрепанные брошюры Блаватской и некоей Капканщиковой» (Ю. Трифонов: *Из дневников...*, 1999, № 2, с. 89).

⁴⁷ «Говорил, что парапсихология интересует его всерьез, и верно, читал старые книги, какую-то чепуху вроде *Голоса безмолвия* Блаватской, журналов „Ребус“ и „Вестник загробной жизни“ — кто ему давал? — и новые американские, английские журналы, сидел со словарем, делал выписки и сам шутил над собой» (с. 341); «Знаменитая Блаватская, авторы „Спиритуалиста“ Быкова, Сперанская, Щеголькова, какая-то очень активная Капканщикова» (с. 342).

и психологу, специалисту по паранормальным явлениям и медиуму. Герой надеялся с ее помощью раскрыть тайну трех фигур из списка секретных сотрудников охраны. Он посетил даже спиритический сеанс, на котором вызывали духов жившего в XVI столетии францисканца брата Арнульфа, православного монаха отца Паисия, инквизитора Торквемады, а также Победоносцева и Герцена, что описано Трифоновым с большой долей комизма (например, Герцен во время опыта психографии совершает грубую орфографическую ошибку). Николай Федоров не одобрил бы подобного занятия; он отрицал «гипнотизм, спиритизм, медиумизм, материализацию» как «фиктивное дело»⁴⁸, «темное, а не светлое воскрешение»⁴⁹. Примечательно, что в повести Трифонова персонаж по фамилии Федоров, приятель Сережи, приняв участие в спиритическом сеансе, также оставался недовольным, сидел «неестественно молчаливый и сумрачный» (с. 345). Но и сам Сергей не относился серьезно к этой «чепуховине со стаканчиком» (с. 355)⁵⁰. Другое дело — парапсихология, телепатия, которым он стал уделять все больше времени и с которыми связывал научные планы и надежды. Жене он сказал: «Это сейчас единственное, что меня интересует в жизни» (с. 352), а начальнику в институте — что «увлечен парапсихологическими опытами. Это очень интересно. Парапсихология, безусловно, наука будущего» (с. 356). Насколько мне известно, Федоров никак не высказывался о парапсихологии, зато к психологии относился с уважением⁵¹. Увлечение парапсихологией совпало у трифоновского героя с потерей интереса к историческим исследованиям, однако причины этого следует усматривать в той ситуации, которая сложилась в институте; поняв, что его диссертация не получит одобрения⁵², Сергей уволился.

Кульминацией парапсихологической сюжетной линии не является, однако, ни уход Сережи из института, ни даже смерть героя. На последних страницах повести реалистическое повествование вдруг нарушается; сложно уловить момент, когда рассказ Ольги Васильевны о ее жизни с мужем переносится из области фактов и их интерпретации на метафорически-символический уровень. Описываемая героиней поездка на

⁴⁸ Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 48.

⁴⁹ Там же, с. 277.

⁵⁰ Ср. также: «— Ты понимаешь, что все это чушь? Он сказал, что понимает» (с. 348).

⁵¹ «Знание даст прочное основание для дружества, и психология найдет свое приложение в психократии, которая есть общество, держащееся внутреннею силою, а не внешним законом, как государство или общество юридическое, из которого изгнано чувство, вынута душа» (Н.Ф. Федоров: *Вопрос о братстве, или родстве...*, с. 270).

⁵² Ср. с. 355, 356–357.

экскурсию за город происходит одновременно наяву (воспоминание) и во сне. Герои разговаривают о совместной жизни, объясняют друг другу недоразумения, что становится настоящим переходом к «другой жизни». Эта сцена венчает процесс авторефлексии Ольги Васильевны, на которую, наконец, снисходит умиротворение.

Как я писал выше, душевное успокоение Ольги Васильевны равнозначно «обращению» героини в веру мужа. В чем оно состоит?

Критики и исследователи, писавшие о *Другой жизни*, часто отмечают резкий контраст героев, находящий выражение, с одной стороны, в противопоставлении их профессий, а с другой — в диаметральной противоположности их мировоззрений. Он — историк, она — биохимик. О значении специальности Сергея я уже писал, однако и профессия Ольги Васильевны символична в контексте философии «общего дела», где естественным наукам отводится важное место, связанное с задачей покорения слепой, смертельной силы природы, управления ею для преодоления смерти.

Взгляды мужа Ольга всегда оценивает с точки зрения своей эмпирической профессии и материалистических убеждений. Она «знала твердо: все начинается и кончается химией» (с. 300). Читатель узнает также, что героиня «равнодушна к старине» (с. 242), поэтому не уважает историю как дисциплину, исследующую прошлое:

Всякая наука озабочена движением вперед, сооружением нового, созданием небывалого, и только то, чем занимался Сережа, — история, — пересооружает старое, пересоздает былое (с. 297).

Сама она, однако, замечает своеобразие исторических воззрений мужа, который пытался соединить прошлое с настоящим и будущим, что, по ее мнению, «больше относилось к биологии, чем к истории» (с. 302). Этот мотив также может быть интерпретирован с оглядкой на философское учение Федорова. Федоровский подтекст прослеживается в аргументах Сергея Троицкого, с помощью которых он пробовал объяснить жене свои позиции:

Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нем заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам. [...]

Несколько раз он спрашивал у нее вполне серьезно:

— Нет, ты действительно думаешь, что можешь исчезнуть из мира бесследно? Что я могу исчезнуть?

А она отвечала ему с искренним изумлением:

— А ты действительно думаешь, что не можешь?

И он говорил, что как ни тщится умом, как ни силит воображение, представить себе не может... (с. 300)

Аргументация Сергея Троицкого в известной степени перекликается со словами Федорова:

Не воскрешение невозможно; невозможно неуразумение смерти: невозможно отделение бедствий, как причины, от смерти [...]. Те, которые хотели *смертного* сделать *счастливым*, [...] именно не знали действительной общей причины человеческих бедствий⁵³.

Ольга Васильевна воспринимает идеалы Сергея скептически:

Она улыбалась, слыша такие его речи за ужином и в постели, когда на него вдруг находил стих курить и философствовать. Надо ли было ей, биологу и материалисту, опровергать эти рассуждения? Господи, если бы она могла переделать себя! Хоть на минуту. Но, к сожалению, это было ей недоступно. Знала твердо: все начинается и кончается химией. Ничего, кроме формул, нет во вселенной и за ее пределами (с. 300).

И все же смерть мужа приводит ее к сомнениям и рефлексии. Причиной является боль. Та же самая боль, которую чувствуют все, кто теряет близких, и которая привела Федорова к идее воскрешения:

Осенью 1851 года двадцатидвухлетний Федоров испытывает внутреннее потрясение. Умирает опекавший его дядя, к которому юный Николай был особенно привязан. Сильно ощущаемая Федоровым с детства всеобщая смертность, небратские отношения между людьми [...], как откровение, вспыхивают вдруг его главной идеей. Федоров будет ей служить с беспримерной верностью до самой смерти. С тех пор он дышит исключительно идеей «общего дела» [...]. Остается только обнародовать ее всему миру⁵⁴.

Мотивами боли и страдания, испытываемых героиней после смерти мужа, пронизано все повествование, что неоднократно находит непосредственное выражение в тексте:

Ее алкоголем были память и боль (с. 219–220).

⁵³ Н.Ф. Федоров: *О смертности*. В кн.: он же: *Собрание сочинений...* Т. 2, с. 145. Ср. с подобным высказыванием Василия Купревича, интересным еще и потому, что автор был известным ученым-ботаником, а с 1952 г. — президентом Академии наук Белорусской ССР: «Смерть противна природе человека. [...] С точки зрения общества, она вредна, [...] нелепа. Кто же захочет закрепить эту нелепость на вечные времена?» (В.Ф. Купревич: *Долголетие: реальность мечты*. В кн.: *Русский космизм. Антология философской мысли*. Москва: Педагогика-Пресс 1993, с. 348, 350; цит. по: М. Madej-Cetnarowska: *Mysł Nikolaja Fiodorowa...*, с. 22).

⁵⁴ М. Milczarek: *Z martwych was wskrzesimy. Filozofia Nikolaja Fiodorowa*. «Kronos» 2009, nr 3, с. 45. Перевод мой — J.Ś.

Просто жизнь, хорошая ли, не очень хорошая, плохая, скверная, не имело значения, жизнь — этим все сказано. Жизнь есть, и жизни нет, промежуточного не существует. Все в мире относится туда или сюда, и, может, в этом в единственном скрыто не только вечное ее, Ольги Васильевны, страдание, но и надежда. Тогда она этого не понимала, теперь лишь догадывается, и то смутно (с. 252).

[...] нет близкого человека и это значит — нет никого. Худшее, что предстоит в жизни, подумала она, это одиночество. Смерть и несчастья — только прелюдия к худшему (с. 268).

Боже мой, если все начинается и кончается химией — отчего же боль? Ведь боль не химия? И и х ж и з н ь, померкшая внезапно, как перегоревшая лампа, разве была соединением формул? Человек уходит, его уход из мира сопровождается эманацией в форме боли, затем боль будет гаснуть, и когда-нибудь — когда уйдут те, кто испытывает боль, — она исчезнет совсем. Совсем, совсем. Ничего, кроме химии... Химия и боль — вот и все, из чего состоит смерть и жизнь (с. 300–301).

При наблюдениях за «исповедью» героини обращает на себя внимание то, что образ мыслей мужа оказывает на нее все более сильное воздействие. Даже ключевая метафора «нити» впервые возникает в сознании Ольги, когда та наводит порядок в вещах покойного, и лишь позднее читатель узнает, что метафора заимствована из концепции Сергея:

Про альбом говорить нечего. Спрятала его подальше. Всякое прикосновение — боль. А жизнь состоит из прикосновений, потому что — тысячи нитей и каждая выдирается из живого, из раны. Вначале думала: когда все нити, самые крохотные и тончайшие, перервутся, тогда наступит покой. Но теперь казалось, что этого никогда не будет, потому что нитей — бесчисленно. Каждый предмет, каждый знакомый человек, каждая мысль и даже каждое слово, все, все, что есть в мире, нитью связано с ним. Разве хватит жизни? (с. 273)

Как было сказано выше, в результате вновь — мысленно — пережитой жизни с мужем вдова переосмысливает прошлое, что приводит ее к пониманию основанного на философии Федорова мировоззрения мужа и благодаря этому — к преодолению страдания. Последние абзацы повести показывают «другую жизнь» героини, где появляется и таинственный другой мужчина. И хотя это совсем не федоровский мотив, здесь, тем не менее, также можно улавливать обращение к Федорову. Ольга Васильевна встречается с мужчиной в Спасском-Лыкове. Это символическое название, по всей вероятности, не связано с конкретным населенным пунктом; по крайней мере, мне не удалось найти его на карте России. В нем присутствуют два говорящих элемента: *Спас* — Христос, Сын Человеческий и первый воскреситель, то есть

очередной ключевой элемент философии «общего дела», а также *лыко* — внутренняя полоса коры деревьев, из которой изготавливаются веревки, рогожи, корзины, что может ассоциироваться с «нитью» Сергея и таким образом символизировать братство и родство с умершими.

* * *

Все сказанное выше свидетельствует, на мой взгляд, о том, что одним из основополагающих идейных источников *Другой жизни* Трифонова послужила федоровская «философия воскрешения». Доказательств этому удалось бы найти и больше. Так, в повести могут быть выявлены отсылки к «федоровскому тексту» русской литературы, то есть параллели с творчеством писателей, традиционно связываемых в литературоведении с философией «общего дела» (в частности, с Борисом Пастернаком⁵⁵, Андреем Платоновым⁵⁶, Афанасием Фетом⁵⁷). Быть может, интерпретация в федоровском ключе применима также и к сюжетной линии художников Георгия Максимовича и Валеры Васина, обменивающихся талантом и истинное искусство на спокойную, обеспеченную жизнь⁵⁸; о роли искусства и задачах художников Федоров высказывался неоднократно.

Об отношении самого Юрия Трифонова к «проекту» Федорова косвенно свидетельствует тот весомый с точки зрения поэтики текста факт, что носителем идей философа является положительный герой. Наталья Иванова называет Троицкого «самым светлым» образом в трифоновской прозе⁵⁹, а Татьяна Спектор усматривает в нем идеал «положительно прекрасного человека», о котором говорил Достоевский. Исследовательница пишет, что у Трифонова «воплотился этот идеал в полной мере только в образе [...] Сергея Троицкого. [...] Сергей — носитель

⁵⁵ См. Т.Р. Спектор: *Смерть и бессмертие в «московских повестях»...*; она же: *Соотношение части и целого в поэтике Пастернака и Трифонова*. В кн.: *Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии*. Отв. ред. И.В. Артюшков. Москва — Уфа: Издательство Башкирского ГПУ 2000.

⁵⁶ См. В. Серафимова: *Традиции Андрея Платонова...*

⁵⁷ Фетовское: *Какая холодная осень...* — любимое стихотворение Сергея Троицкого. Поэт на протяжении последних десяти лет жизни состоял в близких отношениях с Федоровым, встречался и переписывался с ним, ценил и принимал его идеи. Именно благодаря одному из писем Фета известны слова Льва Толстого — имя которого также упоминается в повести Трифонова — о Федорове: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком» (Н.Ф. Федоров: *Собрание сочинений...* Т. 4, с. 632–633).

⁵⁸ См. Т. Патера: *Обзор творчества...*, с. 244.

⁵⁹ Н. Иванова: *Проза Юрия Трифонова...*, с. 204.

христианского мировоззрения и христианской этики»⁶⁰, и еще в другом месте: «Троицкий — единственный из трифоновских героев-интеллигентов, кто [...] сам достаточно силен духовно: свят»⁶¹.

Несмотря на то, что многие, если не все перечисленные мною в статье мотивы имеют автобиографическое происхождение, что на них можно было бы взглянуть сквозь призму истории страны, наконец — что они вписываются в создаваемую Трифоновым психологически-социологическую хронику русской интеллигенции времен оттепели и брежневского застоя, — их объединяет еще и другое: возможность прочтения в контексте *Философии общего дела*. Причем, количество интертекстуальных совпадений слишком велико, чтобы назвать их случайными. Такая интерпретация в очередной раз подтверждает тезис Татьяны Спектор о том, что «Главная задача Трифонова-художника — это возвращение метафизических ценностей, то есть „вечных тем” в русскую литературу»⁶²; показывает также, что вполне обосновано суждение исследовательницы о том, что писатель продолжает прерванный большевиками «традиционный диалог русской культуры», «„участвует” в [...] споре религиозного сознания с атеистическим об основах нравственности человека и смысле его жизни»⁶³. Ставя вечные

⁶⁰ Т. Спектор: «*Положительный герой*»..., с. 189.

⁶¹ Т. Спектор: «*Святые*» и «*дьяволы*» социализма: *Архетип в московских повестях Юрия Трифонова*. В кн.: *Мир прозы Юрия Трифонова*..., с. 60.

⁶² Т. Спектор: «*Положительный герой*»..., с. 188.

⁶³ Т. Спектор: «*Святые*» и «*дьяволы*»..., с. 51. Стоящая за процитированными словами совершенно новая интерпретация творчества Трифонова вызвала полемику со стороны литературоведа Владимира Новикова: «мне, в частности, кажутся не вполне адекватными попытки „вчитать” в его [Трифорова — J.S.] творчество расхожие „метафизические” рассуждения и ортодоксальную религиозность. Полагаю, что автор *Другой жизни* в своем отношении к вопросам вечности и бренности, веры и неверия был близок к чеховской модели миропонимания. [...] Единство душевного и телесного, неповторимая „физика” жизни, трагическая мысль о возможности полного исчезновения людей и семейных традиций [...] — в этом мне видится неповторимо трифоновское начало, не сводимое ни к какой идеологии, даже к лучшей из всех идеологий — христианской» (*Тихое бессмертие*. В кн.: *Мир прозы Юрия Трифонова*..., с. 156–157; ранее опубликовано в 8-м номере «Знамени» за 1999 г.). Несколькими годами позже друг писателя, историк Василий Поликарпов назвал тезис Татьяны Спектор «натужной конъюнктурной умозрительностью», но, в сущности, свел спор к вопросу «невоцерковления» писателя: «Могу с полной определенностью свидетельствовать, что никаких признаков ни ортодоксальной, ни какой-либо иной религиозности в складе мышления этого человека мне не доводилось ощущать» («*В совместных литературно-исторических боях*». (*Записки историка*). В кн.: А.П. Шитов, В.Д. Поликарпов: *Юрий Трифонов и советская эпоха. Факты, документы, воспоминания*. Москва: Собрание 2006, с. 381–382). С подобной постановкой вопроса я затрудняюсь спорить; по-моему, не обязательно быть практикующим христианином, чтобы признавать Христовы заповеди. Из повести *Предварительные итоги* явствует, что Трифонов относился с сим-

вопросы о жизни, смерти и любви, он отвечает на них — продолжает Спектор — «в духе христианского учения, точнее в традициях русской религиозно-философской мысли конца XIX– начала XX века, которой было свойственно творческое понимание христианства, требующее человеческого сотрудничества в богочеловеческом мировом процессе»⁶⁴. На мой взгляд, именно такие — помимо прочих — качества трифоновской прозы, неоднократно осуждавшейся при жизни писателя за «бытописание», определяют ее место в истории литературы и культуры.

Janusz Świeży

„ROZKOPYWANIE GROBÓW”
IDEE FILOZOFII NIKOŁAJA FIODOROWA
W POWIEŚCI JURIJA TRIFONOWA *DRUGIE ŻYCIE*

Streszczenie

W artykule starano się wykazać, że w mikropowieści *Drugie życie* uwidacznia się znaczny wpływ *Filozofii wspólnego czynu*. Trifonow znał dzieło Nikołaja Fiodorowa i wykorzystał je na różnych poziomach swego utworu. Nie jest przypadkiem, że jedna z postaci nosi nazwisko Fiodorow. W kluczu „filozofii nieśmiertelności” przeanalizowane zostały m.in.: forma utworu (narracja); imię, patronimik i nazwisko głównego bohatera, Siergieja Afanasjewicza Troickiego; zawód i zainteresowania bohatera; rozumienie roli osoby w dziejach oraz metoda badań historycznych, określona jako „rozkopywanie grobów”; kult ojca i wszystkich przodków; motyw domowego archiwum bohatera, a przede wszystkim — odrzucenie przez niego śmierci jako faktu ostatecznego i koniecznego.

Janusz Świeży

“DIGGING UP GRAVES”
THE INFLUENCE OF *PHILOSOPHY OF THE COMMON TASK*
BY NIKOLAI FEDOROV ON YURI TRIFONOV’S NOVELETTE *ANOTHER LIFE*

Summary

The present article demonstrates how Nikolai Fedorov’s *Philosophy of the Common Task* influenced Yuri Trifonov’s novelette *Another Life*. Trifonov was familiar with Fedorov’s work, and it is meaningful that one Trifonov’s characters’ is named Fedorov. This paper

патией и уважением к истинно верующим и их вере, что повлияло на образ одного из персонажей — домработницы Нюры. Насчет веры самого писателя, его вдова пишет: «У него были свои отношения с небесами. Какие? — мне неизвестно» (О. Трифонова: [голос в дискуссии] *Юрий Трифонов: долгое прощание или новая встреча?* «Знамя» 1999, № 8 <<http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/confer.html>>).

⁶⁴ Т. Спектор: «Святые» и «дьяволы»..., с. 53.